

ББК 80.7
УДК 8.085.4

**Г.Г. Хазагеров,
П.П. Лобас**

КУЛЬТУРНАЯ УТИЛИЗАЦИЯ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Предпринимается попытка, исходя из трех аспектов языка – семантики, синтактики и прагматики – и принимая во внимание, что прагматика – это как раз то, что меняется, когда прием из манипулятивного становится общественно продуктивным, исчислить сами манипулятивные стратегии, последовательно рассмотреть семантические (логические уловки, игра с топикой: умолчание и актуализация неактуального, тропы) и синтаксические (итерации и симметрия) приемы, а затем проанализировать то, что случается с манипулятивным приемом, после того, как он оказывается дезавуирован.

Ключевые слова: *манипуляция, убеждение, риторика, тропы, логические уловки, топика*

Лобас Павел Павлович – канд. филол. наук, преподаватель кафедры романо-германской филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 245-48-31; 8-904-500-87-07
E-mail: lpawel.20@bk.ru

Хазагеров Георгий Георгиевич – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 263-42-28, 8-903-403-62-04
E-mail: khazagerov@gmail.com

© Лобас П.П., Хазагеров Г.Г.,
2014 г.

В этой статье под манипуляцией, как и большинство лингвистов, мы будем понимать скрытое речевое воздействие, принципиально отличное и от убеждения (воздействия открытого), и от обмана, когда говорящий прибегает к прямой лжи [Беляева, с. 25; Завьялова, с. 566 и др.].

Хотя феномен манипулирования сознанием с помощью средств языка насчитывает тысячелетия, даже если вести отсчет от исторических времен, ни одна манипулятивная стратегия не оказалась непобедимой. Более того, риторика, вбирая в себя эти стратегии, сумела адаптировать их. Риторика – искусство убеждения и может быть понята как арсенал приемов убеждения (куда зачастую вкрапливаются и манипулятивные приемы). Но социальная роль риторики шире, она, как отмечают многие исследователи, состоит в формировании общества и личности [White]. Она в прямом смысле слова формирует – придает форму – мысли, активно ведет к концептуализации пространства, называет и проясняет значение предметов обсуждения. Во многом ее социальная функция определяется тем богатством, которое она вобрала в себя благодаря преодолению манипуляции. Но и за пределами риторики в области художественного слова мы видим и узнаем черты, свидетельствующие о том же происхождении. То же свойство – освоение манипуляции и адаптация ее для решения конструктивных задач – проявилось и во многих современных практиках. Анализ того, что случается

с манипулятивным приемом, после того, как он оказывается дезавуирован, посвящена настоящая статья.

Но сначала попытаемся исчислить сами манипулятивные стратегии. Исходя из трех аспектов языка – семантики, синтактики и прагматики – и принимая во внимание, что прагматика – это как раз то, что меняется, когда прием из манипулятивного становится общественно продуктивным, последовательно рассмотрим семантические и синтаксические приемы.

Усвоение приемов семантического манипулирования

В арсенале приемов манипулирования с помощью значения находятся, насколько нам известно, три средства: логические уловки, игра с топикой (умолчание и актуализация неактуального) и тропы.

Логические уловки, которыми славились софисты – древний и достаточно наивный вид манипулирования. Не содержа прямой лжи в посылках, они приводят к ложным выводам за счет умышленно некорректных формулировок. Так, квезиция – это некорректно поставленный вопрос: *«Давно ли ты перестал бить свою жену?»*, где под видом вопросительной модальности в формулировку попадает модальность реальности, предвосхищая неблагоприятный ответ. Антанакласа – один из видов амфиболии – использование одного слова в разных значениях: *«Хотите сохранить волосы? Высылайте два доллара, а мы вышлем рецепт»* (случай из относительно недавней практики мошенничества). Рецепт гласил: *«Сохраняйте волосы в бумаге в сухом месте»*. Использование двусмысленности (амфиболии) в Средние века считалось свойством речи дьявола. В *«Макбете»* на этом построено обманчивое пророчество ведьм.

Логические уловки были взяты на вооружение софистами, но уже в древнем мире воспринимались скорее как тонкий курьез, чем опасный способ обмануть слушателя. Эта курьезность подсказала и их применение – развитие логического мышления у учеников. Отсюда школьные софизмы, сохранившие в своем назывании память о софистической риторике. «Словарь по логике» отмечает, что, хотя софизм является некорректным приемом, «он представляет собой также неизбежную на определенном этапе развития мышления неявную форму постановки проблем» [Ивин, Никифоров, с. 321]. Авторство следующего софизма, как и некоторых других, приписывают Эвбулиду: *«Что ты не потерял, ты имеешь. Рогов ты не терял. Стало быть, ты рогат»*. Если начальную посылку сформулировать как большую посылку силлогизма («Все, что ты не потерял...»), она окажется ложной, если же она частная посылка («Что ты не потерял...»), то тогда нет силлогизма. Наше рассуждение основывается на логике Аристотеля, которая и была построена как защита от подобной эквилибристики. Построив теорию логических силлогизмов, с абсолютной достоверностью доказывающих истину, Аристотель перешел к силлогизмам риторическим, опирающимся на категорию правдоподобия (в наших терминах – вероятности), чем спас риторику

от тотального отрицания Платоном, защитившись одновременно от софистов.

Хотя логические уловки были в целом освоены уже античной мыслью, обогащенной логикой и риторикой Аристотеля, некоторые из них применяются до сих пор. Самая, по-видимому, распространенная – это неправильное использование «довода к человеку», анализу чего посвящена целая книга современного американского специалиста по неформальной логике и теории аргументации Д. Уолтона [Уолтон]. Если говорящий наделен какими-либо отрицательными чертами, на основании этого делается вывод о том, что его аргументация не заслуживает внимания. Скажем, если человек известен как лжец, а его аргументация основана на приводимых им же свидетельствах, то есть основания ей не верить. Но если он известен как лжец, а его аргументация построена на чисто дедуктивном рассуждении (скажем, он доказал теорему), оснований не верить ему у нас нет.

Тем не менее практика очернения оппонента без анализа его аргументов достаточно распространена. Если ее характеризовать как логическую уловку, следует признать, что естественным ограничителем такой уловки является разрушение неконструктивного диалога изнутри. Он просто теряет смысл. Общественная польза, которая может быть извлечена из этой уловки – умение различать конструктивные и деструктивные сценарии диалога, а в перспективе это еще и трезвый подход к одной из ключевых категорий современного менеджмента и бизнеса – репутации. Бурное развитие PR и репутационного менеджмента (в России уже имеются учебники по этой дисциплине: [Сальникова]) переживает сегодня период, схожий с периодом перехода от наивной риторики софистов к риторике Аристотеля, которой суждено было иметь большое будущее в античном мире и за его пределами.

Манипуляция с топикиой. Один из первых советологов У. Липпман ввел понятие «процесс формирования повестки дня», т.е. процесс выдвижения одной топики при замалчивании другой. В совместной с Ч. Мерцем монографии он анализировал под этим углом газетную информацию о новой России [Lippmann, Merz]. Этот прием, однако, был известен античной риторике по крайней мере со времен Цицерона и закреплён у Квинтилиана, который говорит об этом в связи с типами вступления к ораторской речи [Гаспаров, с. 441].

Умалчивание о том, что непосредственно касается темы речи, прием, характерный для обществ с идеологической цензурой. Карнавал, как показал Михаил Бахтин, был естественной реакцией на жесткость религиозных запретов в Средние века. Но карнавал – это лишь временный клапан, лишь похожий на метанаблюдение, а на самом деле лежащий в плоскости той жизни, над которой не поднимаются участники карнавала. Однако впоследствии освоение тем-табу ведет не только к расширению репертуара литературы, но и к актуализации метанаблюдений, следствием которых, в частности, является появление литературных утопий. Утопия всегда построена как упрощенная действительность,

как модель, она неизбежно предполагает множество «умолчаний», без которых несовместимость утопии с жизнью выявилась бы мгновенно. В риторике есть термин «топотесия» – описание небывалых мест как один из многочисленных видов описаний. Топотесиями были народные карнавализованные описания несуществующих стран, миров наизнанку, как немецкая «Шлаурафия» или древнерусская «Повесть о роскошном житии и веселии». Но «Утопия» Томаса Мора и все позднейшие литературные утопии устроены по-другому. Главный признак утопического мышления – разрыв с настоящим [Геллер, Нике, с. 7], что и выливается в сознательный отказ от топики настоящего. На наш взгляд, на такое сознательное моделирование оказала влияние долгая практика сознательного же непроговаривания ряда тем. Не случайны эпохи расцвета жанра утопий. Для России это, например, XVIII век. Подобно тому как софизмы стали школой логической мысли, практика умалчивания стала школой художественной условности моделирующего типа, школой игнорирования нерелевантных для модели фактов.

Что касается советских умолчаний, то они тоже имели свой карнавал в виде школярских пародий без ясно выраженной сатирической позиции, что характерно для многих шуточных неподцензурных песен пятидесятых годов в «предбардовский» период. Неслучаен, по-видимому, и пришедшийся на пятидесятые – семидесятые годы интерес к социальным моделям научной фантастики.

Другая сторона манипулирования с топикой – это навязывание темы, логически не вытекающей из темы высказывания. Это очень яркая черта тоталитарной риторики, о которой уже случалось писать в связи со школьными учебниками, толковыми и энциклопедическими словарями советского периода [Хазагеров, Ульянова; Хазагеров, Щемелева]. Реакция на такое манипулирование – анекдот и взрыв каламбуров (паронимический взрыв, отмеченный в шестидесятые годы двадцатого века [Григорьев]). Игра слов возникает тогда, когда клише, рожденное навязчивой темой, сталкивается с жизненными реалиями – ситуация многих сатирических песен Владимира Высоцкого. В последние годы советской власти такие идеологические клише эвфемистически называли «газетными штампами». Однако настоящий штамп рождается в системе «экспрессия – стандарт», что было показано еще в семидесятые годы [Костомаров]. Здесь же «штамп» был дозволен и обязателен, а «экспрессия» находилась за пределами цензуры. Тематическая навязчивость не только порождает сатиру, но и вооружает ее своим инструментарием, помогает ее доказательствам от противного. В XIX в. этим приемом широко пользовался М.Е. Салтыков-Щедрин, не понаслышке знавший административную риторику. Как и персонажей Высоцкого, его героев буквально преследуют официозные клише – носители соответствующей топики.

Манипуляция с топикой нашла свое положительное применение и в психотерапии, особенно в так называемой позитивной психотерапии [Пезешкиан]. Эти подходы развились именно в XX в. на фоне опыта ра-

боты больших пропагандистских машин, активно пользовавшихся манипуляцией с помощью топики.

Манипуляция с помощью тропов, на первый взгляд, близка к логическим уловкам. Однако этот вид манипулирования как масштабная стратегия был применен впервые лишь в тоталитарных режимах XX в.

Впервые описанный Оруэллом в его знаменитой утопии метод манипуляции сознанием состоит в том, что манипулятор вместо того, чтобы действовать в пределах актуальной ситуации «здесь» и «сейчас», как это делали софисты, создает в сознании реципиентов пропаганды априорные когнитивные структуры, из которых с самого начала могут вытекать только нужные ему следствия. Это принцип «новояза». Э. Лассан, специально исследовавшая тоталитарный дискурс, пишет о лингвистических работах, последовавших после утопии Оруэлла: «Основная мысль этих работ – “кто называет вещи, тот овладевает ими”» [Лассан, с. 8].

Итак, новый вид манипулирования состоял в формировании в массовом сознании аксиом. На них строилась выгодная заказчику пропаганды картина мира. Лучший способ уберечь эти аксиомы от критического анализа – строить их с использованием метафор, а еще лучше – символов, т.е. метафор с метонимическим компонентом [Хазагеров]. Коммунистическая стройка – это метафора, в которой создание нового строя уподобляется возведению строительного объекта. Но в то же время это и метонимия, в которой данная стройка является репрезентантом, частью создания нового строя. Если бы мы проводили настоящее индуктивное доказательство от части к целому, то наличие пусть и успешной стройки было бы, конечно, недостаточным доказательством успешности громадного процесса. Если бы мы строили дедуктивное доказательство, то наличие метафоры «коммунизм – стройка» вообще не принималось бы во внимание. Но крепкий метафоро-метонимический сплав блокирует рефлексию, создает синкретический образ, который нуждается в специальных усилиях, чтобы быть демонтированным. Фантомный денотат [Шейгал, с. 53–55] (коммунизм еще никем построен не был) получает в этом образе материальное воплощение.

Более того, когнитивная метафора в принципе не располагает к логической критике, и это ее полезное (!) свойство. В эпоху Просвещения научная метафора считалась нонсенсом. Науке нужны доказательства, а не метафоры. Но в XX в. поняли, что науке нужны еще и модели, а метафора, т.е. заимствование понятия из гетерогенной области – отличная модель. Ее функция не доказывать, а генерировать идеи. В лингвистике примерами таких метафор могут служить синтаксическая валентность (заимствование из химии), лексическое поле (из области спорта) и т.п. Такие метафоры не подлежат логической верификации, это было бы нелепо, они верифицируются по другой шкале – продуктивности идеи. Вот почему мысль о «разоблачении» метафор обычно в голову не приходит. Меж тем, превращаясь в «метафоры, которыми мы живем» (став-

шее знаменитой название работы Дж Лакоффа и М. Джонсона), они исподволь влияют на мышление и поведение людей [Lakoff, Johnson].

На помощь овеществления фантомных денотатов приходит визуализация и ритуал. Страна Мальборо создается рекламной картинкой, как «гадина», которую Н.И. Ежов сдал ежовыми рукавицами, создается плакатом. А чтобы художественный мир картинки проник в реальную жизнь, нужен праздник, ритуал, парад. То, чего нет в действительности, может быть изображено на плакате и разыграно в ритуальном действии.

Манипуляции с помощью когнитивной метафоры послужили мощным стимулом языковой рефлексии. На бытовом уровне это в конце концов привело к дезавуированию приема. Произошло это, по-видимому, из-за того, что тоталитарная пропаганда вовлекала своих реципиентов в активную деятельность (политинформации, выступления на собрании ит.п.). Таким образом, почти каждый член общества испытал себя в роли пропагандиста: использовал ключевые цитаты, фразеологию, метафоры. Этим был нарушен автоматизм восприятия официальной символики, она сплошь и рядом попадала в светлое поле сознания, что было для нее губительно. Во всяком случае это показал результат – коллективное осмеяние официальной символики. На уровне рефлексии научной тоталитарный опыт дал мощнейший толчок к развитию когнитивистики, а это в свою очередь породило целый ряд практик, основанных на метафорике. Это не только тимбилдинг, но также использование метафоры как инструмента в освоении пользователями информационных технологий от иконок до образа глобальной сети.

Усвоение приемов синтактического манипулирования

Синтактическое манипулирование – манипулирование с помощью итераций и симметрии. Наиболее полно его принципы были сформулированы еще софистом Горгием, с именем которого часто и ошибочно связывают манипулирование вообще, главным образом из-за диалога Платона «Горгий».

Сам Горгий излагает свою концепцию воздействующей речи в декламации «Похвала Елене», где он вопреки логике известного мифа снимает с Елены Прекрасной обвинение в том, что из-за нее разгорелась Троянская война. Его мысль состоит в том, что мерным, чарующим речам просто невозможно сопротивляться. Такие речи завороживали Елену, такими же речами завораживает слушателя Горгий. Чарующими речами оказываются фигуры, основанные на симметрии, прежде всего фигуры, которые впоследствии назвали горгианскими: *исколон*, т.е. равенство частей периода, *омойотелевтон*, т.е. созвучие окончаний периода (будущая рифма) и *антитеза*.

При незаслуженной славе первого манипулятора Горгий из Леонтины создавал речи в жанре торжественного красноречия, если следовать классификации Аристотеля. Торжественное красноречие не решает спорных вопросов, подобно совещательному и судебному, а служит

лишь целям консолидирующим, воспитательным или, как в случае с декламацией о Елене, игровым. Именно от торжественного красноречия лежит кратчайший путь к художественной прозе. Роль Горгия в создании образцов торжественного красноречия очевидна и признается современными авторами [Панов]. Очевидно и влияние его на развитие художественной прозы, о чем писал еще Ф.Ф. Зелинский [Зелинский].

Из торжественного красноречия выросла вся христианская гомилетика (но не апологетика). Применять к ней и к художественной литературе те же мерки, что к обычным видам красноречия, когда требуется либо установить факт (судебное красноречие), либо принять решение (совещательное красноречие), было бы несправедливо. Скрытое речевое воздействие, незаконное в споре, для художественной литературы – норма. Норма это и для воспитательной литературы – проповеди, нравоучения. В конце концов, родительская риторика до определенного возраста детей почти исключительно манипулятивна. Иное дело – граница, отделяющая воспитание от пропаганды, когда «воспитуемые» взрослые люди. Подмену научной дискуссии, которая является частным видом судебного красноречия, мы встречаем там, где наука подменяется пропагандой «единственно научного учения». Инсценированные суды тридцатых годов и по сути своей, и по риторическим средствам (речи А.Я. Вышинского) были экспансией торжественного красноречия в чуждую ему область принятия ответственных решений. На «суд» над Еленой это уже не похоже.

Как это ни странно, ни итеративность, ни симметрия в расположении слов со времен классической риторики, где «теория соединения слов» (ритма) появилась поздно и далеко не продвинулась, ничего существенно нового об этом способе речевого воздействия сказано не было.

Что касается итеративности, признается, что она широко используется в рекламе, причем здесь повтором является уже само предъявление рекламного слогана, и что чем она выше, тем действеннее реклама. Такая пропорциональная зависимость выглядит не вполне правдоподобно. Гораздо интересней то, что реклама с ее навязчивыми повторами, теряя в императивности, укрепляет, по мнению Бодрийяра, свою индикативность [Бодрийяр, с. 179]. В самом деле, на наших глазах мир многократных повторов становится ощутимой частью культуры, выполняя функции, выходящие за пределы прагматики рекламы. Это и эстетические функции – давно отмечалось, что реклама эволюционирует в эту сторону, – и функции социальной идентификации и адаптации: повторяющиеся слоганы делают мир массового общества более обжитым, узнаваемым.

Относительно симметрии картина сложнее. Симметричные фигуры выполняют иконическую функцию, и это достаточно понятно: андиплозис иконически передает идею преемственности, кольцо – замкнутости. Но что происходит с речевым воздействием за пределами иконизма, серьезным образом не изучено. Однако и здесь можно говорить о культурно значимых функциях.

Всякая фигура, а тем более фигура с использованием симметрии, выглядит нарочито. Именно поэтому торжественная речь, перенасыщенная симметричными фигурами, остается торжественной речью, а не аргументом в споре, условность оказывается ограничителем ее возможностей как речи убеждающей.

Словесные орнаменты торжественного красноречия развивают и представления о композиции текста. Горгианские фигуры можно трактовать как композиционные приемы, повышающие связность текста, участвующие в создании так называемого выдвижения, т.е. в конечном счете облегчают восприятие содержания текста. Упражнения на эти фигуры учат членению мысли и последовательности изложения.

Выводы

Стратегии манипулирования в мировой истории словесности имеют свои пики. Всякий раз после того, как стратегия временно или навсегда сходит со сцены как опознанная и дезавуированная, начинается плодотворный период ее освоения в конструктивных целях. Это могут быть цели дидактические, как в случае логических уловок, терапевтические, как в случае манипулирования с помощью топики, литературно-эстетические, как в случае симметричных фигур и манипулирования топосами, креативно-семиотические, как в случае с тропами, культурно-кодовые, как в случае итеративности.

Двадцатый век был веком тоталитарных риторик. Несущей конструкцией манипуляции было использование метафор и широкое маневрирование топикой. Следствием этого стал бурный рост психотерапевтических практик и развитие рекламы. Манипулятивные компоненты внутри самой рекламы имеют тенденцию терять силу грубого воздействия и эволюционируют, как кажется, в сторону более конструктивного воздействия на культуру массового общества. Эти процессы, однако, далеко не завершены, и их дальнейшая судьба нам неизвестна. Но из прошлого можно сделать осторожный вывод, что все манипуляции со временем не только дезавуируются, но и дают культуре материал для ее собственных задач.

Литература

Беляева И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты. Ростов н/Д., 2008.

Бодрийяр Ж. Система вещей: пер. с фр. М., 2001.

Гаспаров М. Античная риторика как система // Михаил Гаспаров. Об античной поэзии. СПб., 2000.

Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб., 2003.

Григорьев В.П. Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докладов и сообщений Лингв. общ-ва. Т. 5. Калинин, 1975.

Завьялова О.Н. Речевое (языковое) манипулирование // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.

Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. Т. 2. М., 1995.

- Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М., 1998.
Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1970.
Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.
Панов М.И. Горгий из Леонтины // Эффективная коммуникация: история, теория, практика. М., 2005.
Пезешкиан Н. Торговец и попугай: пер. с нем. М., 2008.
Сальникова Л.С. Репутационный менеджмент. Современные походы и технологии. М., 2013.
Уолтон Д. Аргументы ad hominem: пер. с англ. М., 2002.
Хазагеров Г.Г. Система убеждающей речи как гомеостаз: ораторика, гомилетика, дидактика, символика // Социологический журн. 2001. № 3.
Хазагеров Г.Г., Ульянова Т.В. Когнитивные и коммуникативные потенции хрестоматии «Родная речь» в советский и современный периоды // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3.
Хазагеров Г.Г., Щемелева Е.Ю. Парадоксы тоталитарной риторики: язык // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7.
Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, 1980.
Lippmann W., Merz, Ch. A Test of the News // The New Republic. 1920. Vol. 33(2).
White, James B. When Words Lose Their Meaning. Chicago, 1984.

Lobas P.P., Khasagerov G.G.

Southern Federal University

CULTURAL UTILIZATION OF MANIPULATIVE TECHNOLOGIES

The article makes an attempt to study manipulative strategies, carry out subsequent analysis of semantic techniques (logic tricks, plays with topic: paralipsis and actualization of irrelevant data, tropes) and syntactical methods (iteration and symmetry), and then observe what happens to the manipulative technique, after it has been disavowed. The paper is based on three aspects of language – semantics, syntax and pragmatics - taking into account that it is pragmatics that changes when manipulation becomes socially productive.

Keywords: *manipulation, persuasion, rhetoric, tropes, logical tricks, Topeka.*